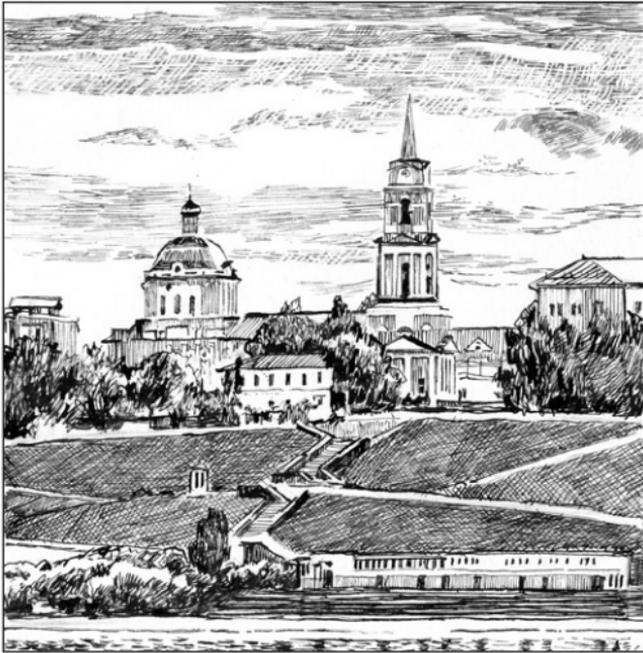

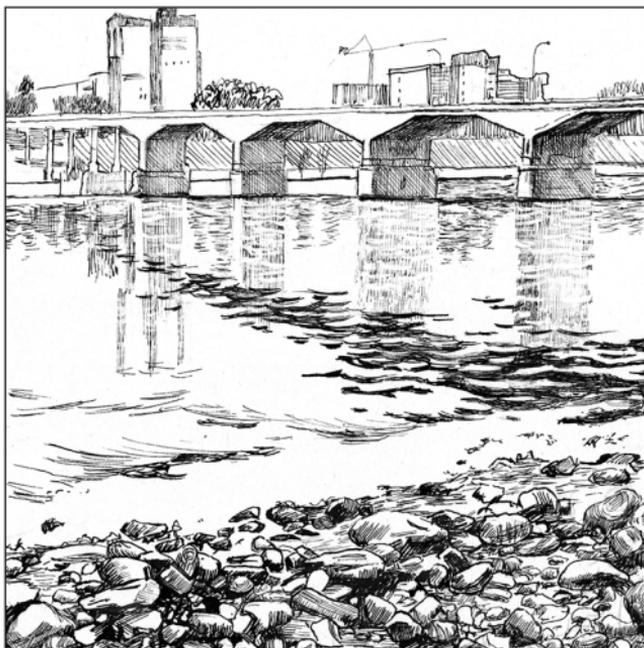
Владимир ЯКУШЕВ

**ЖЁЛТЫЙ КАМЕШЕК
НА КАМСКОМ ПЕСКЕ**

Издание поэтической книги
«Жёлтый камешек на камском песке»
Владимира Викторовича Якушева
и подготовка её электронной версии
в рамках проекта «Пермская библиотека»
осуществлены при поддержке
Министерства культуры Пермского края
(<https://mk.permkrai.ru/>) и при содействии
литературно-исторического журнала
«ВЕЛИКОРОССЪ» (velykoross.ru).

Владимир ЯКУШЕВ

Жёлтый камешек на камском песке

«Литератор Прикамья»

2024

УДК 88.2
ББК 84(2Рос=Рус)6
Я 49

Якушев Владимир Викторович

Я49 Жёлтый камешек на камском песке:

Сборник стихотворений / Худож. К. В. Козлова. — Пермь: Литератор Прикамья, 2024. — 112 с.: ил.

ISBN 978-5-6048219-6-1

Стихотворный сборник «Жёлтый камешек на камском песке» продолжает характерную для Владимира Якушева линию, направленную на утверждение патриотизма и традиционных русских, российских ценностей. И Пермский край при этом является для автора постоянным и неизбывным источником высокого вдохновения, объектом горячей любви и восхищения.

Для читателя старше 12 лет.

ISBN 978-5-6048219-6-1

УДК 88.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. В. Якушев, стихи, 2024
© К. В. Козлова, иллюстрации, 2024
© ПКОО «Союз писателей России», 2024

* * *

Памяти Анатолия Гребнева

Погашены очи деревни,
Ничто не очнётся от сна.
Церквушка вот в оцепенение
По маковку погружена...

Луч утренний, счастьем сияя,
Церквашку родную узнал
И, нежности к ней не скрывая,
Вдруг в маковку поцеловал.

В БЕССМЕРТНОМ ПОЛКУ...

Их лица — в портретах.
Их фото — в альбомах.
Их судьбы в рассказах
Для новых знакомых...

Как после Победы
Вели себя просто:
Остался в живых —
Поднимай производство.

Они быть солдатами
Не перестали,
И ими, как прежде,
Командует Сталин.

И тем, кто — в героях,
И тем, кто — безвестен
Споём мы родные
Военные песни.

В Бессмертном полку
Их в лицо узнавая,
Плечом к плечу встанем
Девятого Мая.

ПО ВЕСНЕ

Ты мотаешься по грязной войне,
Над тобою птички,
а в глаза лезут мухи.

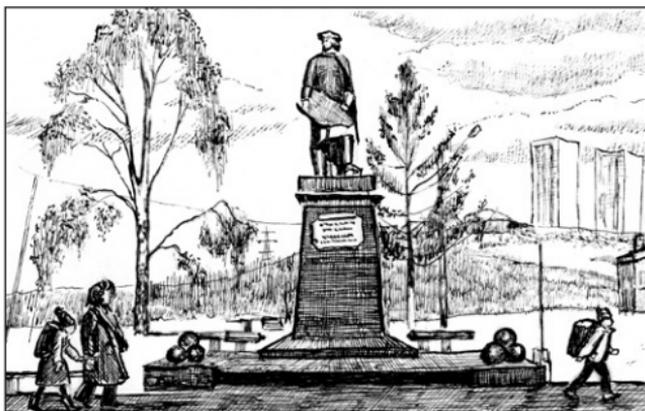
Так бывает по нашей весне,
Когда паразиты поднимают руки
И лезут в дом
со своим враньём.

Я хочу выскочить с территории Земли,
С территории объединённых войн,
Но я чувствую, как нас уже провели
В окончательный Армагеддон
Весны войны,
где сны не нужны.

Мне снится, что я на толстой броне
И хочу уронить ногу или руку.
Но я знаю, их оторвёт вполне
Мир, принимающий меня за муху
Весны, где сны
не нужны войны.

Твой доблестный путь
отмечен командирами.
Есть благодарность, остальное жуть.
Вчера отставник ругал всех мутилами,
Он был пьян и говорил муть
Весны, где сны
не нужны войны.

Эта весна разбросала военных,
Как награды, по дорогам войны.
Это друзей, как героев верных,
Укладывают спать в облака тишины
Весны, где сны
не нужны войны...

ПЕСНЯ ПЕРМИ

Красавица Пермь начинает
Движение нового дня.
Я нужен! И Пермь это знает,
Ей не обойтись без меня.

Российская воля походов
И память хранят нашу жизнь;
Работает сердце заводов,
Конструкторов ясная мысль.

Легко с нашей чудною долей
Узнать по глазам пермяка!
Ведь с этой отвагой и волей
Вступали в отряд Ермака.

Бывает в природе затишье,
А в Каме играет заря;
И смотрит Василий Татищев,
Как в школы идёт детвора.

И самые юные люди
Идут в юнармейский отряд,
И дело тимуровцев будет
Жить дальше у пермских ребят!

Я нужен, и Пермь это знает.
Улыбкой встречая меня,
Красавица Пермь начинает
Движение нового дня...

ЗАГОВОР НА ПЕРМЬ

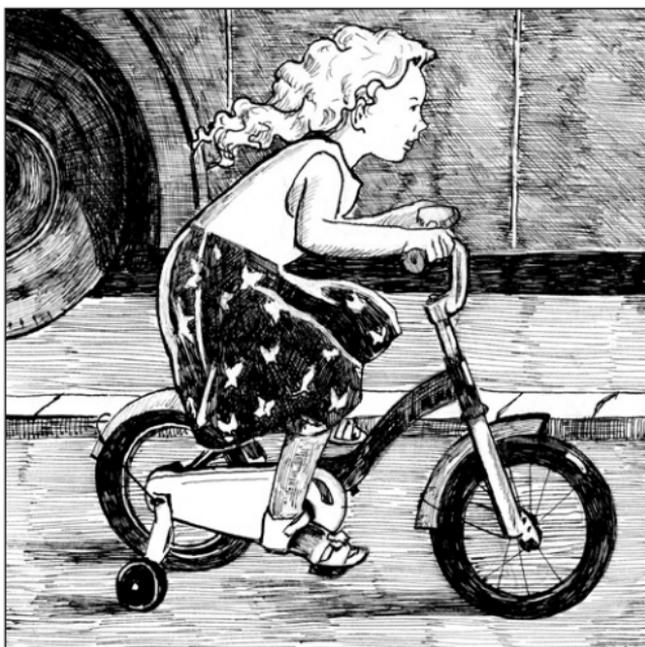
Николаю Глумову

На дне лежит Алатырь-глыба.
Чего желать? Я нем, как рыба.
О чём мечтаю на заре,
Смотрел на мошку в янтаре?

И я терял, что я любил,
И в лунном янтаре я стыл.
Видна, как мошка в янтаре,
Вся жизнь моя в Алатыре.

Ах, камень бел горюч, теперь
Неси меня в родную Пермь.
Вдруг жёлтый камешек с песка
Поднимет чья-нибудь рука...

ЛЕДИ

Маленькая леди
На велосипеде
Давит на педали,
Чтобы не догнали.

И звенит у леди
На руле звоночек,
И ласкает леди
Кудри ветерочек.

Даже у автобуса
Дрогнула душа
Оттого, что леди
Больно хороша.

Прыгают от леди
Взрослые и дети,
Потому что леди
Очень быстро едет.

И рыжее меди
Волосы у леди,
У прекрасной леди
На велосипеде.

Кто она? Откуда?!
Маленькая леди...
Ездит это чудо
На велосипеде.

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Не говорите, слова не помогут —
Это похоже на грусть.
Я находился по Сладкому логу,
Я насмотрелся на Тюсь.

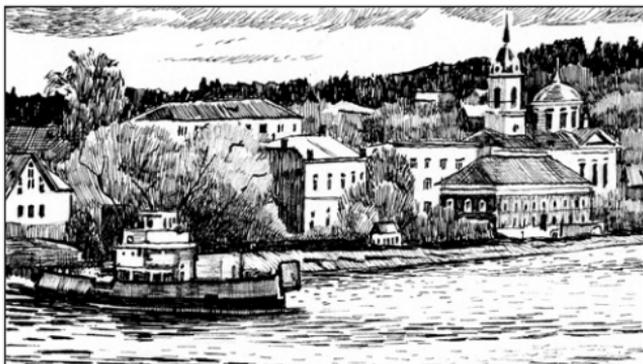
Снова в России осенняя каша,
Я уезжаю от вас.
Это не осень, а родина наша,
Наша судьба — как приказ.

Кто-то уже по дорогам Вьетнама
Пыль выбивал сапогом,
Кто-то песком подавился Афгана,
С мины ныряя ничком.

Грустно девчонке моей на гулянке...
Мама, поплачь от души!
Завтра обнимут, вздохнут спозаранку:
«Не забывай нас, пиши».

Мы вам ответно прощально помашем:
«Не забывайте о нас!»
Это не осень, а родина наша
Нас провожает сейчас.

Ждите, родные, уходим в дорогу,
Чтобы вернуться на Русь
По тротуару, по Сладкому логу
К речке с названием Тюсь.

ЗВЁЗДНЫЙ КУПОЛ

Добрянке,
Пермский край

Когда июльскою порой
Горел над нами звёздный купол,
Я на заливе под луной
С друзьями пел и песни слушал.

А там, вдоль Камы, огоньки
Идущих медленно буксиров,
Так ходят наши мужики
От рядовых до командиров.

А там, где лёгкий поворот,
Стоит часовня городская,

Как дочка, смотрит в лоно вод,
Высоким душу занимая.

И можно медленно пройтись
Тут от района Комарово,
Где стариною дышит жизнь,
Почти до центра городского.

А там родная жизнь кипит,
Там женщины с такой осанкой,
Что детства друг идёт на вид
С почти античной горожанкой.

И даже дальняя земля
Не вынет родины осколок,
Где спят молодые тополя
Под плеск волны, под шум моторок.

И снова летнею порой
Горит над нами звёздный купол.
Мы на заливе всей семьёй,
И это лучше, чем я думал.

А там, где лёгкий поворот,
Стоит часовня городская,
Как дочка, смотрит в лоно вод,
Высоким душу занимая...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю, баю, баиньки,
Жили-были зайчики.
Молодые зайчики,
Девочки и мальчики.

Серый волк их донимал,
Из-за ёлочек рычал.
И решили зайчики
Сбежать к Насте маленькой.

Закатились под кровать
К ней игрушек поискать.
Поискать игрушек:
Пушек да хлопушек.

Волка серого стрелять,
Злого волка воевать.
Взяли зайки пушки,
Громкие хлопушки.

Ходят по лесу, стреляют,
Злого волка донимают.
Рыжи лиски испугались —
Все по норкам разбежались.

Зайчики смеются!
Лисоньки трясутся.
В самый дальний уголок
Убежал наш серый волк.

Вот какие зайньки
Дружат с Настей маленькой.
Молодые зайчики,
Девочки и мальчики...

* * *

Девчонке душу не травми,
Не нарушай её порядка,
Не замечай ея любви,
Её любви и так несладко.

Ждала она, а ты не ждал
Такой любви, как вечер летний...
Она всё знала, ты — не знал,
Дружочек совершеннолетний.

Ты получил, чего хотел,
Она не этого хотела...
Заря рассветная бледнела,
А ты в любви поднаторел.

Как Золушку,
 поцеловал
И проводил,
 как вечер летний,
И долго так
 не вспоминал,
Как сказку, что
 читал последней.

Всё для тебя давно прошло...
И вдруг вернулось этим летом
Любви той дэвичье тепло
Между закатом и рассветом.

Ждала она,
 а ты не ждал
Такой любви,
 как вечер летний.
А молодёжь
 ушла на бал,
На танцы, если
 быть конкретней.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ

Светлане Замлеловой

Осенний ангел ходит по лесам,
Сбивает крыльями
 с деревьев позолоту.
Он делает нелётную работу,
Но птицы льнут к златым его власам.

О птицы милые!
Им с ангелом чудно́,
Они щебечут в золотых кудряшках,
Клюют с ладони розовой зерно

И смотрят вниз
на беленьких барашков.

Играется снежинками зима,
Как девочка! Торопит белотропье.
Топорщит лес серебряные копы,
Летит над полусветом полутьма.

Посверкивают косы в небесах,
Вниз валятся охапками ромашки.
В ромашках белых белые барашки
У ангела толкаются в ногах.

Осенний ангел...
(Господи, прости),
Под крыльями его
немного лета,
Как строчка
невозвратного привета, —
Ненастье
на Руси
перенести.

* * *

Женщины уходят от мужчин,
Называя тысячи причин.
К ним прибавилась ещё одна
С женщиной, ушедшей от меня.

И теперь за дружеским столом
Я могу подумать о другом:
О друзьях подумать, о судьбе, —
А потом немного о тебе.

Но бывает так, что без причин
И сейчас, как в прежние года,
Женщины уходят от мужчин,
Оставляют раз и навсегда.

И попробуй их останови —
Дымкой мира тают на глазах!
Есть, конечно, логика в любви,
Как прогноз погоды в облаках...

* * *

Мутная равнина,
Талые снега.
Каменная глина,
След от сапога.

Россыпью вороны —
Точки да тире.
Да собачий холод
В нашей конуре.

ЗА ДЕТСКОЙ МЕЧТОЙ

За дальнею рощей,
За липовым цветом,
За синей рекой
Есть сказочный город,
Желанное лето
И дождик грибной.

Написано в книжке,
Что там коротышки
Чудесно живут
И самого славного
Из коротышек
Незнайкой зовут...

И даже однажды
Наш славный Незнайка

К Луне улетел,
Среди лунышей
Он тоскою о родине
Там заболел.

«Незнайка, дыши! —
Крикнул доктор
Пилюлькин. —
Скорее, друзья!
От этой болезни
Незнайке поможет
Планета Земля!»

И вновь завизжат
От восторга малышки
Всего городка:
На шаре воздушном
Друзья-коротышки
Рванут в облака!

Ах, так же хочу я
На шаре подняться
В простор голубой.
Возьмите меня,
Братцы, дайте собраться
За детской мечтой.

Летят коротышки
За облачным следом
Сторонкой родной
Над дальнею рощей,
Над липовым цветом,
Над синей рекой...

А наши детишки
Из детского сада
На небо глядят,
И каждому шарик
В воздухе рады,
И громко кричат.

За дальнею рощей,
За липовым цветом,
За синей рекой
Есть сказочный город,
Желанное лето
И дождик грибной.

Написано в книжке,
Что там коротышки
Чудесно живут.
А самого славного
Из коротышек
Как, братцы, зовут?

* * *

Чердыни,
Пермский край

Горит душа осенней рощи
Под утомительным дождём.
Она становится всё проще,
Всё молчаливей с каждым днём.

Ей ничего почти не надо,
Но влагу с рыженьких ресниц
Она туманным утром рада
Стряхнуть на заспанных синиц.

Ах, ей вся осень без печали,
А с ней и нам в краю родном.
Мы в жизни всякое видали
И, молча, всё переживём.

* * *

Проводили тупыми глазами
В ночь, вздохнувшую очень уж строго.
Вы плохие друзья, вместе с вами
Вперемешку со ссорой дорога.

Я ушёл — стала ночь холоднее,
Тяжелей и чернее тревога;
Я ушёл — стала вдвое длиннее
Вперемешку с печалью дорога.

ВО ДВОРЕ

Скрип-скрип,
 скрип-скрип —
Ходит страшный
 зимний
 грипп.

Он тебя за нос возьмёт,
Он тебе в лицо чихнёт...

В дом беги сидеть-грустить,
Горькие таблетки пить.

Мальчик стойко
 саблей машет —
Страшный грипп
 ему не страшен!

Со двора —
 скрип-скрип,
 скрип-скрип —
Убегает
 вредный
 грипп!

МАРТОВСКОЕ УТРО

Мартовское утро...
Впрочем, снег не тает.
А душа как будто
С солнцем прибывает!

И кричат с какой-то
Радости воробки!
Держится спокойно
Снеговик у тропки.

Завтра нас тревожить
Будет радость та же;
Ей, по счастью, тоже
Не хватает стажа.

В самом юном возрасте
В ледяные дни
Спит в морозном воздухе
Капелька весны.

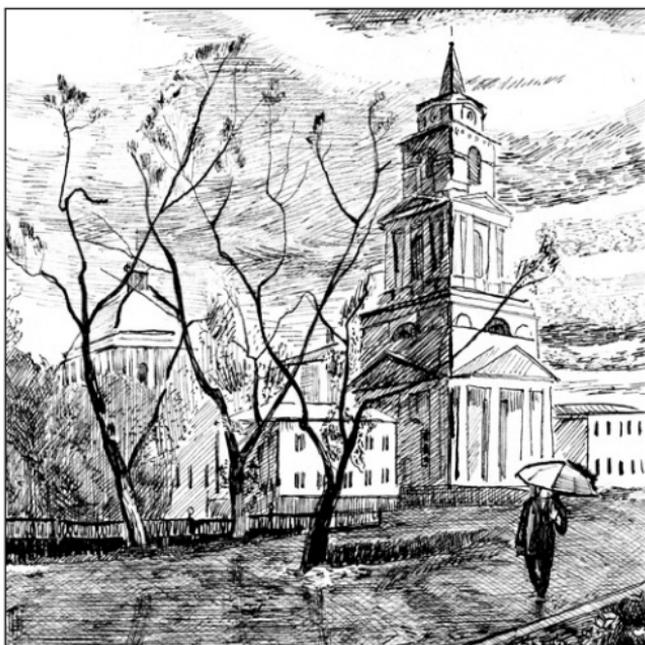
Улыбнусь мимозе
Я неоднократно...
А Урал серьёзен,
Наш,
 в начале марта.

С ВЕСНОЙ СОВЕТСКОЙ!

На 8-е марта
Женщинам букеты
Дарим мы —
Для этого
У мужчин весна!
И желаем счастья всем
Женщинам планеты!
А потом единственным
Героиням дня...

* * *

Затягивает осень всё Прикамье,
Идут дожди — налито до краёв.
А о тебе бегут воспоминанья...
Привет, родная! Проходи, любовь!

Бог знает почему, но я свободен
И тёмным светом изнутри объят.
Я ангелу слетевшему подобен,
Я помню крылья, как они болят.

Друзья мои, любимые, я с вами!
Мне крылья вырвали такие же, как вы.
Холмами я прошёл, как небесами,
Не преклоняя гордой головы.

И грязным льдом в пути изранив ноги,
Продравшись сквозь железные кусты,
Мы — ангелы,
 униженные,
 боги —
Найдём свои могилы и кресты.

И хладнокровно
 мы
 вдыхаем бездну
В испорченную кровь,
В конце концов.
Униженные боги бесполезны...
Но разве это чувствует любовь?

АМФИТРИОН

Марине Вит.

В прекрасный век,
век Просвещения,
Играл Мольер большую роль:
Он так писал произведенья,
Что улыбался сам король.

«Таков Юпитера закон, —
Сказал бы нам Амфитрион. —
Богов не просят, их не ждут —
Они приходят и берут».

Повержен враг. На крыльях славы
Амфитрион спешит домой.

Но у богов свои забавы
С его возлюбленной женой.

Таков Юпитера закон —
Рогатым стал Амфитрион.
Богов не просят, их не ждут —
Они приходят и дают.

Про антисчастья данный случай
Писал Булгаков Михаил.
Юпитер хоть кого проучит,
Кто что бы там ни говорил.

Иная жизнь, иные годы,
Иные дни в иной стране...
Уходят в прошлое народы,
Как будто гибнут на войне.

Нам никогда не быть своими
На этом празднике богов.
Обманут боги и богини —
Не принимайте их даров!

«Таков Юпитера закон, —
Сказал бы нам Амфитрион. —
Богинь не просят, их не ждут —
Они приходят и дают».

ТАНЦЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кончается дождь.
День проходит.
Мы работаем
На родном заводе.

У нас всё серьёзно —
Нам дают химикаты.
Мы делаем звёзды
И делаем автоматы.

Делайте, что хотите;
Занимайтесь чем угодно!
Это право на труд —
Дело международное.

Только не целуйтесь,
Только не гуляйте,
Только не танцуйте,
Только не играйте
С огнём!

Он выжигает глаза,
Он вырывает язык.
Никто ещё не сказал,
Что он к нему привык.
Вечна мечта!

Она,
Будучи
 смутна
 вначале,
Делается
 точно
В каждой
 потом
 детали.

Дышат мои альвеолы,
Как в ПэТЭУ
 подростки.
Стружки кружат,
 как пчёлы,
Возле цветка заготовки.

В линиях жизни металл.
В линиях жизни копоть.
Глотку мою сорвал
Индустриальный грохот.

Лишь работаги могут
Не умирать напрасно,
А золотых обормотов
Брать на работу опасно.
Ходит бизнес по клубам,
Ходит бизнес по трупам.
А пролетарии в моде
На фронте и на заводе.

Здесь — настоящая Жизнь,
Смерть, и Любовь, и Танцы...
Вам тут не место, брысь,
Пошлые папарацци!

Вечны Икар и Дедал...
Но мечта
 в идеале —
Вот она, как сказал, —
Сделано
 на Урале.

СВОИМ ХОДОМ

Шофёр канистру из-под масла
Оставил под моим окном,
А ночью дождь по ней зашáстал,
И было слышно мне о том.

Потом канистра известила,
Что дождь ещё сильнее прижал.
И напугал осенней силой
Прогноз начала всех начал.

О, этой осени начало,
Её тяжёлая рука!
Ни у кого же не бывала
Сильнее красная строка!

Сквозь сон мне чудилось, канистра
Вела подробно репортаж
О том, как, слушаясь министра,
Шли люди на второй этаж...

Глобальным было потепленье,
Взбурлил поток библейских вод,
Чтоб посмотреть на наводнение,
Сел Президент на вертолёт.

Затем канистра сообщила
Дождя бегущую строкой,
Что человек приложит силы,
Чтобы помочь стране родной.

Он был везде! Он был... как гений!
Ему практически вода
Рукоплескала при волнении
От вертолётного винта.

Притом, что делает Россия
Во время Третьей мировой,
Поведал Президент в эфире
С ему присущей прямоотой.

Когда советским поколениям
«Открылась бездна, звезд полна...»,

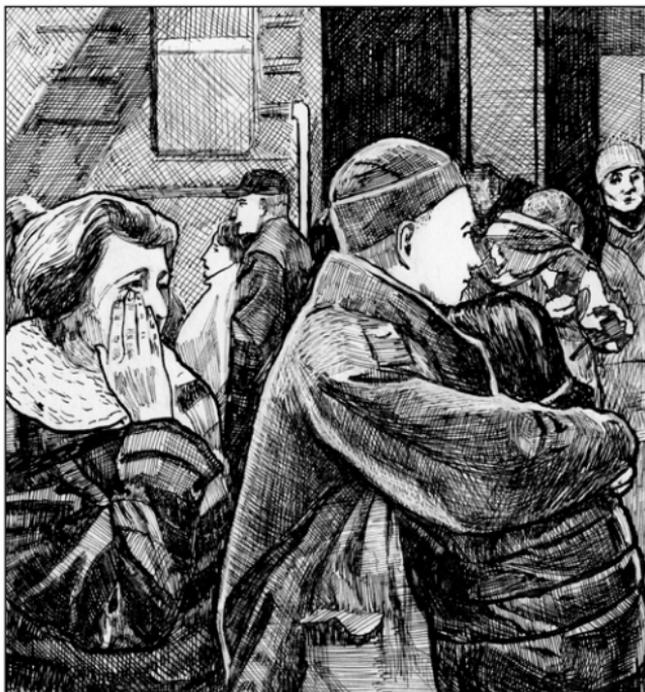

Как русского стихотворения
Классическая глубина, —

С тех самых пор, как вдохновение,
Влечёт Россию Звёздный фронт;
Все эти звёздные скопления
Пополнят наш Алмазный фонд!

Нужна, конечно, для начала
России сильная рука —
И Провидение послало
Полковника-силовика.

Генералиссимуса Сталина
В родной истории учтя,
Само собой, я слушал далее
Пресс-конференцию
Вождя.

КОМАНДИРОВКА

Стоят бойцы
с родными на вокзале,
Им трудно,
очень трудно оторваться.
И на ресничку
счастья загадали,
А на слезинку
стали целоваться.

Другие, брат,
пойдут через
полгода,
В пожар заката
проплывут в вагоне.
Всё та же служба,
да другая рота
Своих родных
оставит на перроне.

Прощайте, выпал срок
под небом синим,
Под знаком
бело-красного заката!
— Ты, дочка, за кого?
— Я за Россию!
Ты, папка, за кого?
— Я за солдата.

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ

Кудрявая, что ж ты не рада?..

Борис Корнилов

Мама русская идёт,
Не смеётся, не поёт,
Только брови хмурит,
Что ей надо, дуре?

Просто скучная пора,
Просто тошно ей с утра:
До кровавой рвоты
Муж ушёл в работу;

Объявились черти —
Адвокаты смерти;
И сидят в кутузках
Русские из русских.

...За детей постарше
Глупой бабе страшно,
И под сердцем плачет
Лялька, не иначе.

ОДИНОЧЕСТВО

Хорошо бы собаку купить.

Иван Бунин

Что такое? Мочат, мочат
В новостях с утра до ночи.
Дилетанты — как попало,
Есть и профессионалы...

Мочканут, как зайца в тире,
Раз, два, три — и ты в эфире!
Ни к кому нет больше веры:
Все соседи — изуверы.

Всё страшнее кажут рожи
Президенты и вельможи,
Олигархи-отщепенцы,
Гомосеки-извращенцы.

Террористы... Недоучки...
Куклы Барби самоучки!
Так же есть одна семья,
Что психует на меня.

НОЧНЫЕ ЧАСЫ

Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.
Я курю, это жизнь,
и она обращается в дым.
Я смотрю, гуляет с любовью
продувной ухажёр.
Жизнь — это жизнь,
и она как военный костёр.

Я смотрю, мне достался
счастливый военный билет.
Этот дым ест глаза,
это пепел, но я им согрет.
Я гуляю, смотрю на цены,
как на жителей гор.
Жизнь... Эта жизнь
затоптана так, как костёр.

Город родной, ты мне ангел
и предохранитель.
— Делай, что хочешь, —
сказал, уходя, небожитель.
Этот дым ест глаза,
эта жизнь обращается в дым.
Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.

Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.
Я курю, это жизнь,
и она обращается в дым.
Я гуляю, смотрю:
с девчонкой продувной ухажёр.
Жизнь — это жизнь,
и она как военный костёр.

* * *

Давно забыл я смысл начала,
Иного в жизни не обрёл.
Паром от тёмного причала,
Как грузчик налегке, пошёл.

А я смотрю тяжёлым оком
И всё стою, как неродной...
Пройдусь сейчас я Сладким логом,
Как будто я иду домой.

А с Камы дует вольный ветер,
Он задувает сердце мне!
Спасибо, друг, за то, что встретил
Меня в родимой стороне.

Там — дом стоит моей знакомой;
Там — кто-то помнит, но не ждёт.
Здесь — о любви,
 простой и скромной,
Мне всё известно наперёд.

Я посмотрю
 в одно из окон,
Для ваших чувств
 давно чужой.
Пройдусь сейчас я
 Сладким логом,
Представив, что
 иду домой.

Не знаю,
 что я здесь забыл.
Роднее родина не стала.
Но обдал память юный пыл
Сверленья первого
 металла.

ПАРЕНЬ С УРАЛА

Седой Сизиф навверх камень катил,
Он знал, что делать этого не нужно.
Но философский камень этим жил,
И потому Сизиф пыхтел натужно.

О Камень-Алатырь — Седой Урал!
О камень исполнения желаний!
О скольких он людишек перемял,
Пока не впал в «сизифовские» длани.

Летит с Урала Камень-Алатырь —
Ревёт над городами атмосфера!
Вся ваша подлость перед этим —
пыль,
Не важная для хода нашей эры!

Он мнёт, и жжёт, и рвёт меридиан;
Горит рубец, огнём сочась, планеты!
Но философский камень людям дан,
И камень сам никак не канет в Лету!

Но твёрже камня твёрдая рука
Рабочего, Крестьянина, Солдата.
В России, чтоб вам знать наверняка,
Работают во время камнепада!

Мой сын!

На камень руку положи!
Давай-ка не потворствуй, а участвуй.
Каким бы ни был выверт у судьбы,
А камни с неба
только нам подвластны!

Сидит Сизиф и камень сторожит,
И философски всё воспринимает.
Здесь камень философии зарыт,
И это уважение внушает.

ИТОГИ

Всё туже вьюжная спираль
Сжимает горло — я немею.
А дальше рядовой февраль
Ломает мне прикладом шею.

Как псы, меня хватает снег
По обе стороны дороги.
Еще сбивает с толку век,
Который стелется под ноги.

В душе — война или хана.
И чтобы улеглись тревоги,
Не хватит моря мне вина,
А вы — подводите итоги...

* * *

Обрываются с губ слова,
Так листья с рощ летит на ветер.
Еле держится голова,
С плеч срываясь, как двери с петель.

Но до дна осеннего дня
Дотяну свой стакан вина.
Гаснет вспышка от солнечной спички
В нём, как жизнь
на могильной табличке.

* * *

Искрится и морозит
Осенне-зимний стык.
Берёзки, смолкнув, носят
Зимы седой парик...

Чуть снегом оторочен
Твой домик у реки...
С калиной, крупной очень
И яркой для строки.

«УЗНАТЬ ПО ГЛАЗАМ ПЕРМЯКА...»

О новой книге Владимира Якушева

Владимир Якушев — известный русский поэт, в своих произведениях талантливо воспевающий красоту родного пермского края, утверждающий правоту нашей истории, отстаивающий средствами художественного слова основополагающие принципы Российского бытия. Каждая его книга становилась заметным событием отечественного литературного процесса, на всех этапах своей творческой эволюции поэт сохранял высокий уровень творческого мастерства и незыблемость нравственной позиции. За эти качества его стихи давно полюбились читателям, и каждая его книга встречает широкий интерес среди ценителей поэзии. Владимир Якушев — поэт истинно русский, в его стихах — острое и пронзительное чувство родной природы, уважение к прошлому России, наполненному героическими победами и грандиозными трудовыми свершениями.

Для раскрытия избранной темы поэт всегда находит особенные слова, обусловленные искренним душевным чувством и органичной принадлежностью к русскому народу. Пермский край для Владимира Якушева является постоянным и неизбывным источником высокого вдохновения, объектом горячей любви и восхищения.

В своей новой книге Владимир Якушев продолжает традиционную для его лирического героя линию, направленную на утверждение патриотизма и традиционных русских, российских ценностей. Будучи последовательным сторонником и приверженцем классической школы русской поэзии, он обладает талантом в данной системе творческих координат оставаться самобытным и вдохновенным мастером, не впадая в банальности и штампы, сохраняя свежесть мировосприятия и зоркость поэтического зрения. Внимательно всматриваясь в окружающий мир, Владимир Якушев видит в нём его сокровенные черты, видит то главное, что определяет сущность

нашего пребывания в этом мире. Поэт искренне любит жизнь, и это качество — жизнелюбие — красной нитью проходит через всё его творчество. Его стихи, написанные простыми словами, светятся изнутри тихим и тёплым светом — светом благородной русской души, пребывающей в пространстве земного бытия.

*Красавица Пермь начинает
Движение нового дня.
Я нужен! И Пермь это знает,
Ей не обойтись без меня.*

*Российская воля походов
И память хранят нашу жизнь;
Работает сердце заводов,
Конструкторов ясная мысль.*

*Легко с нашей чудною долей
Узнать по глазам пермяка!
Ведь с этой отвагой и волей
Вступали в отряд Ермака...*

Душевная бодрость и нравственное здоровье лирического героя

поэзии Владимира Якушева с первых строк передаются читателю, освобождая его душу и сознание от рутины повседневности, заставляя встраиваться в единый жизненный строй своих соотечественников-пермяков. Напоминающая об исторической славе России, воодушевляющая примерами исторических героев, стихи оздоравливают жизнь, формируя образ будущего на основе важных образов минувшего. Меткое и выразительное русское слово, обусловленное неподдельностью чувства, действительно преобразует мир. Поэт, как и во все времена, остаётся творцом жизни, активным и неравнодушным деятелем.

В то же время, Владимир Якушев — тонкий лирик, испытывающий глубокие чувства от созерцания родной природы. И здесь его поэтический голос звучит приглушённо, поэт вслушивается в окружающий мир и находит изысканные образы, воссоздающие авторское впечатление. Он благоговеет перед загадкой природы, не пытаясь раскрыть её тайну, но находя

неизъяснимое наслаждение от сопричастности этой тайне.

*Осенний ангел ходит по лесам,
Сбивает крыльями
с деревьев позолоту.
Он делает нелётную работу,
Но птицы льнут к золотым его власам.*

*О птицы милые!
Им с ангелом чудно,
Они щебечут в золотых кудряшках,
Клюют с ладони розовой зерно
И смотрят вниз
на беленьких барашков...*

Ещё одну ипостась поэта Владимира Якушева представляют его стихи о детях и для детей. Известно, что детская поэзия требует от автора особого языка и особого мироощущения. Для того, чтобы передать ребёнку правильное мировоззрение, заложить в его душе основы добра и красоты, нужно обладать душевной чуткостью. Именно таким предстаёт лирический герой в стихотворении «Колыбельная».

*Баю, баю, баиньки,
Жили-были зайньки.
Молодые зайчики,
Девочки и мальчики.*

*Серый волк их донимал,
Из-за ёлочек рычал.
И решили зайньки
Сбежать к Насте маленькой...*

Не впадая в фальшивую сладость, мастерски используя алгоритмы русского народного фольклора, поэт создаёт основу для искреннего внимательного восприятия. Стихи достигают сознания маленького читателя, слово становится действенным. Так осуществляется формирование духовных основ, традиционных представлений о добре и зле...

Новая книга Владимира Якушева «Жёлтый камешек на камском песке» относительно невелика по объёму, но характеризуется высокой концентрацией чувства и мысли, большим художественно-нравственным потенциалом. Эта книга является убедитель-

ным свидетельством того, что русская национальная поэзия жива, что она сохраняет верность своим основам, заложенным нашими великими классиками, и при этом является глубоко современной, отвечающей запросам жизни. Хочется пожелать нашему талантливому соотечественнику неиссякающего вдохновения и новых открытий на ниве служения русскому поэтическому слову.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

*Кандидат филологических наук,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
заслуженный работник культуры
Чеченской Республики,
заслуженный работник культуры
Республики Дагестан,
заслуженный работник культуры
Республики Ингушетия*

НЕРУКОТВОРНЫЕ ОСТРОВА

Мне нравится поздней ночью, лёжа в постели, негромко повторять слово «виолончель». Произносить его нараспев, с закрытыми глазами, и тут же представлять немолодую итальянку, лежащую подле меня. Все подробно представлять. Руки, ноги и всё прочее, лишь для приличия прикрытое лёгкой вуалью воображения. Лежит моя итальяночка-виолончель подле меня и по-джокондовски улыбается. Что-то сейчас точно произойдёт! Правда наутро меня начинает жечь всплывающий из глубин подсознания нескромный вопрос — почему вчерашней ночью мне представлялась именно немолодая итальянка?

Отвечаю прежде всего себе самому любимому. Потому что моей итальяночке-виолончели понадобились долгие годы странствий сквозь множество разочаровывающих (если не сказать больше) взоров и дланей разного рода виртуозов-исполнителей. И лишь проделав путешествие

длинной в одну отдельно взятую виолончелевую жизнь, она благополучно перенеслась на Итаку, где (конечно же в качестве утешительного приза) в первый же день повстречала меня и духовно преобразилась, разумеется в лучшую сторону.

А ещё мне нравится произносить слово «остров». Тоже с закрытыми глазами и тоже нараспев. Правда, чтобы попытаться достичь подобного чудесного эффекта, как с «виолончелью», чтобы представить какой-нибудь отдельно воздвигнутый Господом посреди мирового океана остров, представить бирюзовую ленту прибоя, пальмы и чуть прикрытых чем-то мечтательным, вроде райских фиговых листочков, молоденьких туземок, доверчиво выбегающих навстречу раздувшемуся от непотребных амбиций мореплавателю, который, обливаясь потом, горделиво шествует по белоснежному пляжу острова с туго набитым мешком даров — грошовых ручных зеркал, монотонно постукивающих

друг о друга, мне необходимо найти ещё одно слово-друга. Или слово-партнёра. Или слово-якорь. Чтобы надёжно пришвартоваться возле только что открытого острова. Чтобы застолбить дарованное свыше. Чтобы и остров, и туземки стали только моими и ничьими больше.

Однажды мне всё же удалось лицезреть наяву это вожделенное, насквозь проржавевшее за годы ожидания, слово-якорь. Мне просто повезло. Я просто наткнулся на него в чьём-то тексте. Слово само себя обнаружило. Оно запылало тусклым огнём сквозь остальной бездарный текст. В чьём конкретно тексте я лицезрел долгожданное чудо? Это уже неважно. Теперь я всё равно не назыву первоначального творца по имени его и не признаюсь в столь простодушном плагиате. Теперь мне и радостно, и стыдно. Только так и никак иначе. Получите и распишитесь.

Вдохновенно и трепетно с пугающей меня самого страстью писал

я рассказ с поразившим меня названием. Глядел на растущую стопку свежеисписанных страниц и чувствовал себя тем самым мореплавателем с громадным мешком ручных зеркал. Название прельщало, как вышеупомянутая, в прошлой жизни бестрепетно прошедшая сквозь строй мужчин-виртуозов, иностранка-виолончель зрелых лет с чересчур ярко накрашенными губами, лежащая на моей постели и призывно глядящая на меня. Но по разным причинам, и, в первую очередь, из-за врождённой робости моей, полностью выношенный рассказ так и не появился на свет. Бесследно растворился в бесплодной моей утробе. Бездарные литературные критики (они же текстовики-гинекологи) грустно вздыхая и покачивая головами, подтвердят скорбную возможность подобного развития событий в одной отдельно взятой писательской судьбе. И тогда я пошёл на крайнюю меру — решил набросить верёвку, намыленную остатками неизрасходованного воображения на изящную гештальтову

шею стихотворной рецензии. В случае неудачи, обливаясь крокодиловыми слезами, я бы попросил верного товарища выбить воображаемый табурет из-под картинно воздевшего руки и до половины явленного миру бумажного тела женщины–рецензии. А после нашёл бы утешение в разврате и винопитии.

Действующее лицо рецензии с точёной гештальтовой шейей — стихотворная книга «Дымка мира» одного никому неизвестного русского поэта. Назовём его загадочно и непостижимо — поэт NN. Книга с пророческим названием. Почему с пророческим? Попытаюсь растолковать в конце повествования. А пока — ваш скромный автор, он же — рефлексирующий Улисс, отправится в путешествие по её девственному, ранее не исследованному картографами морю. По её архипелагу. По островам-стихотворениям. Почему бы и нет? Решено и подписано. Утлая лодочка воображения призывно покачивается у причала.

Командировочные и презервативы во внутреннем кармане.

Профессиональным писательским взором касаюсь названия. Громогласно откашлявшись, просыпается писательский внутренний голос. «Чего изволите?» — по-ефрейторски вытягивается он в струнку. Ему на роду написано быть личным Вергилием. Это его звёздный час. Именно он будет сопровождать меня в плавании по славному морю священной русской литературы. Не понапрасну выпестован и вымуштрован долгими зимними вечерами, проведёнными над настоящими русскими книгами.

Оттягивая сладкий миг узнавания, трепетно дотрагиваюсь до крохотной книжицы поэта NN. Всё в ней продумано до мелочей. Забытая современниками суперобложка с приглашающим к соавторству рисунком (настоящий ценитель стихов всегда соавтор поэта, иначе невозможно ни проникнуть в его мир, ни исследовать его,

обречённо следуя за плотоядно подрагивающей стрелкой компаса с юга на север и с севера на юг, ни получить истинного наслаждения от бескрайних его пространств и завораживающих его пропорций). Перелистываю первые страницы (немного бедного текста, немного бедных, и оттого драгоценных, красок на простынно-больнично-страничном пространстве). Усаживаюсь в утерянное в буре революции и гражданской войны и уцелевшее лишь в семейных преданиях дворянское бабушкино кресло. Чтобы погрузиться в волшебный мир русской литературы. Чтобы услышать в скорбных стенах постсоветской комнаты внутренний писательский голос, слегка напоминающий эхо в чудом уцелевшей циклопической пещере хрущёвского коммунизма.

И он появляется. И он гремит. И он прорицает, что путешествие — это священнодействие. Даже вымышленное. Даже литературное. Несмотря на деда-простолюдина. Несмотря на новое смутное время. Несмотря на

испоганенное русское слово. И ещё одна немаловажная деталь: по его профессиональному мнению, приступая к путешествию, стоит дождаться долгожданной минуты откровения, когда в первобытном океане, а по старине Фрейду — в подсознании, появится некий образ. Среди бесконечного ряда бестелесных призраков должно появиться нечто настоятельно требующее солнечного света. Это и есть первый дар в целом ряду предстоящих. Это и есть благословение свыше. Это и есть белый голубь с горы Арарат. С пальмовой ветвью в клюве, разумеется.

Русские дворяне не лгут. А внутренний писательский голос — тем более. Минута приходит. Матовое и, в моём представлении, как вы уже сами догадываетесь, женское тело книги прямо на глазах превращается в карту неведомого архипелага. Душа горит от священного, неоднократно описанного многими плохо кончившими первооткрывателями страха. Плывущий по океану русской словесности приветствует

тебя, братишка Кьеркегор! Дотрагиваюсь до истёртой по краям и на сгибах карты и чувствую, как в гости к страху приходит трепет. Этот датский трепет русского конкистадора при мыслях о много повидавшем бумажном теле карты-женщины! При мыслях о нагих туземках и бирюзовом прибое. Какие ещё открытия, какие берега ждут бесстрашно плывущего на утлой лодочке от острова к острову, от туземки к туземке российского мореплавателя?!

Их целый список. «Я список кораблей прочёл до середины...»* Неужели другая половина так и пребудет во тьме, в молчании, в небытие? А вдруг в набившем оскомину известном утаивании половины греческих кораблей и таится то самое, сокровенное? Литературный Грааль вдохновения, к примеру?

Обладай я спрятанной на пыльном московском пост-революционном чердаке чашею литературного Грааля,

* Осип Манделъштам «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...».

мне бы сталинские лагеря пионерскими показались!

Подобные контрреволюционные мысли на современный лад навечно заплутавшего в литературном лесу сознания — второй дар истинного путешествия. Истинное путешествие происходит, прежде всего, в отчаявшейся голове. Для истинного путешественника категорически запрещено пересекать порог собственного дома. Достаточно простого священнодействия. Положить в пустой, пахнущий странствиями чемодан дюжину китайских труселей и футболок. Трепетной рукой коснуться копеечных артефактов. Твоя Итака пред тобой. Ты и Улисс, и Пенелопа вместе взятые. Лук натянут и женихи покорно склонили головы...

Да здравствует рефлексия! Да здравствует путешествие! В руке — истрёпанная карта стихотворного архипелага. Под ногами, прямо под тонким днищем воображаемой лодочки, — бездонный океан русской

словесности. В голове — ветер странствий. Что ждёт странствующего героя? Сбудется ли то, о чём грезил он, отправляясь в путешествие?

Смеркается. Буду плыть сквозь русскую ночь. Буду глядеть в звёздное небо. Как страшно! Как сладко!

Наутро передо мной, опоясанный бирюзовой пеной прибоя, — первый остров. Передо мной — изваянная из мрамора девичья плоть первого стихотворения.

* * *

Остров первый. *Песня Перми.*

Стихотворение полностью уместилось на небольшом листке-острове размером с ладонь. На острове-ладони. Полностью — от роддома до полустиёртой беспощадными русскими дождями, но всё ещё различимой эпитафии на скромной и до боли родной, сваренной из советских прутьев, смертной пирамидке. Классическое русское стихотворение, в котором, если копнуть глубже, сокрыто нечто римское, мед-

ное, звенящее. Почему римское? Потому что — исконно-русское, потому что — археологически-забытое.

Классическое стихотворение о городе, о горожанах, о русской истории, о русской культуре. Всё вышеперечисленное упало в этот стих, умерло в нём, подобно зерну в земле (добрым словом помянем по-еврейски мудро и загадочно улыбающегося, явившего библейский лик из-за русского облака патриарха Ходасевича), и ждёт своего часа, чтобы возродиться в сердцах читателей. Это прорицает внутренний писательский голос. Позвольте даже сказать — прозревает сквозь таинственно мерцающие русские буквы. Радость слышна в шаляпинском этом голосе сразу по двум причинам. Оттого, что поэт гениален. Оттого, что читатель талантлив.

Остров второй. *Леди. Во дворе.*

Стилю поэта, манере письма, его отработанному за десятилетия упорного труда порядку составления русских слов не устаёшь восхищаться, подплы-

вая ко второму острову. Всколмления, кустарник, галечный пляж. Рубашка, намокшая от пота. Волдыри от вёсел на девичьих ладонях филолога.

Вступим же на благословенный остров. Мир русского детства, мир ребёнка, мир маленькой девочки пересекается, входит и выходит (в и из) мира города, мира России. Много русского света. Много русской доброты. Много русских детей. И все, как в солнечной советской сказке, как в Солнечном городе, умненькие, скромненькие и молчаливые. Все с косичками и с портфельчиками. Все в толстенных очёчках.

Выстроились в кружок и смотрят на меня. Ждут чего-то. То ли поэта NN, по-императорски бесстрастно въезжающего в очередную покорённую столицу на белом жеребце, а рядом — автора сих строк, скромно притулившегося на грустно перебирающем тоненькими ножками чёрном ослике, то ли триумфального возвращения Советской власти. В сущности одного и того же...

Остров третий. *Один из дней. Застягивает осень всё Прикамье... Горит душа осенней рощи...*

Раскрывается ещё одна тайна поэта. Ещё одна скорбная пелена ниспадает с одиноко стоящей фигуры взгрустнувшего о России небожителя. Перед нами предстаёт его тонкая, ранимая, незримая прочим (а прежде всего ему самому) душа. Неужели она — есть? А иначе, откуда эти строчки?

«Я ангелу слетевшему подобен...»

«Мы — ангелы, униженные, боги...»

Настоящий поэт в стихах своих всегда правдив. А иначе ангел смерти отнимет у него священный дар.

Остров четвёртый. *Звёздный купол. Мутная равнина. Мартовское утро. Ночные часы.*

Среди избранных сих строк сокрыт лучший вариант России. Сокрыта веснушчатая девочка — Россия, доверчиво улыбающаяся посреди бескрайнего поля и протягивающая воображаемую

ромашку поэту NN. И пусть он абсолютно ничего не делает. Не призывает ни к войнам, ни к революциям. Пусть он лишь треплет государственную руку румяную щёчку ребёнка. Будем же благодарны ему и за это. За то, что растворил створку вечернего окна и на мгновение показал нам предзакатную Родину нашу (в образе той самой девочки в розовых чулочках), показал, какой должна быть небесная Россия. Не знаю, удастся ли мне при жизни моей ещё хотя бы раз лицезреть ту девочку на том бескрайнем поле сквозь то распахнутое окно...

Остров пятый и последний. Амфитрион. Танцы цивилизации. Своим ходом. Материнский капитал. Одиночество. Парень с Урала.

Самая большая подборка. Целых шесть стихотворений. Мысли о будущем. Мысли о русском пути. Волшебная магия русского слова, которая и заставляет читателя прочесть, а автора рассказа написать несколько слов об этой книге. Читайте, наслаждайтесь.

дайтесь, мечтайте. Прозрачный стиль. Классическая простота, добиться которой, не прилагая невероятных усилий, практически невозможно. Да и усилия невероятные вряд ли помогут. Даже и не пытайтесь...

Подошло к концу наше путешествие. Умиротворённо покоится в ладони моей всем непредсказуемым женским телом своим заманчиво мерцающая «Дымка мира». Умиротворён и благостен предзакатный архипелаг, сотворённый в минуту русского отчаяния поэтом NN. Это и есть та самая минута, когда приходит пора вернуться к первоначальной своей мысли. Обещанное надо выполнять. А иначе ангел смерти отнимет и у меня мой священный дар.

Посмотрите на книгу в бережной ладони моей. Посмотрите, как будто в последний раз. Всем русским сердцем своим проникните в название. Разве поэт не прав? Разве не одна только дымка и осталась нам от русского мира? Одна лишь дымка, одни

лишь несколько тающих прямо на глазах волшебных образов, которые в минуту посетившего его откровения и набросал поэт свою волшебную кистью. Набросал, предчувствуя, что вот-вот растворятся они в поглощающем Россию сумраке вместе с остальным русским миром...

Солнце садится за горизонт. Подходит к концу печальный мой рассказ. Именно рассказ. Похоже, что по вышнему соизволению мне всё же удалось написать рассказ с изначально околдовавшим меня названием. Рассказ про никому неизвестного русского поэта. Рассказ про поэта и про Россию. Было ведь и у Набокова нечто подобное. Кажется, «Памяти Шигаева». С подобною же темой. Поэт и Россия. Почему бы и мне вослед за позорно эмигрировавшим с вскормившей, а затем и вдохновившей его матери-Родины классиком, натянув предварительно по его гениальному рецепту английские клетчатые рейтузы, не замахнуться на благодушную Матушку Русскую

Литературу продырявленным в бесконечных странствиях литературно-энтотомологическим сачком собственного изготовления?

Сокрылись за кормой утлой лодочки писательского воображения неоткрытые никем, кроме печального русского поэта, да автора сих строк, по товарищески обречённо следующего по стопам первооткрывателя, острова-стихотворения. Но ещё долго не отпускает тот сокровенный взлёт мысли, тот сокровенный и до невозможности печальный русский образ, ради которого и сотворён данный труд.

Какой-такой вышеупомянутый образ сквозь безбрежный океан русской классической словесности всплывает прямо по курсу утлой лодочки моей, пытается потопить её, и, исчезая за бортом, грозными очертаньями своими взывает к мудрости простодушного народа нашего? А вот какой...

Жили-были мы в русском нашем государстве и дожили до того, что

одни только стихи у нас, русских, и остались. Одни только настоящие стихи да прибаутки. И «Дымка мира» в первых печальных их рядах.

Может быть о том и написана эта книга, что и сама наша Россия со всеми бедами её и горестями, и, главное, с просвечивающей и утешающей бедного нашего человека сквозь горести эти идеей большого русского счастья, и сам город наш с его толпящимися над большой русской рекой странного вида домами, и сам поэт с его скромною книгою — это и есть то малое, то последнее, что удерживает Всевышнего от само собою напрашивающегося шага, за которым лишь ничто, лишь пустота, лишь языки пламени да затянутое грозowymi тучами небо над тем, что было когда-то мировой цивилизацией.

И, может быть, лишь внезапно пробудившийся посреди погибающей Отчизны нашей загадочный и непостижимый поэт NN, да скромная книжица его, да автор сих трепетных строк,

обречённо примкнувший к первым двум наподобие литературной Жучки из сказки про репку, и удерживают Россию-матушку на самом краю пропасти, подобно малому деревцу, корнями в обрыв вцепившемуся...

— Эгей! — кричим мы, последние русские, во все стороны государства нашего обширного.

— Эгей! — кричим мы, стоя над пропастью.

— Эгей! — кричим мы, заглядывая в пропасть — Куда же дальше? Неужели сюда? — и удивлённо указываем на пропасть.

И она улыбается нам.

Николай ГЛУМОВ,

поэт

СОДЕРЖАНИЕ

«Погашены очи деревни...»	5
В Бессмертном полку.....	6
По весне.....	8
Песня Перми.....	10
Заговор на Пермь.....	14
«Куда спешить, зачем идти, родная?..».....	17
Леди	18
Осенний призыв	20
Звёздный купол.....	22
Колыбельная	26
«Девчонке душу не триви...»	28
Один из дней	30
«Женщины уходят от мужчин...»	32
«Мутная равнина...»	35
За детской мечтой	36
«Горит душа осенней рощи...».....	41
«Проводили тупыми глазами...».....	42
Во дворе	43
Мартовское утро	44
С весной советской!	47
«Затягивает осень всё Прикамье...»	48
Амфитрион	50
Танцы цивилизации.....	54
Своим ходом.....	59
Командировка	64

Материнский капитал	66
Одиночество.....	69
Ночные часы.....	70
«Давно забыл я смысл начала...».....	72
Парень с Урала	74
Итоги	78
«Обрываются с губ слова...»	79
«Искрится и морозит...».....	80

И. Голубничий.

«Узнать по глазам пермяка...»

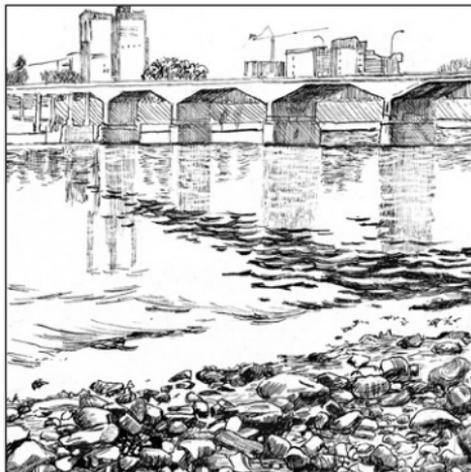
<i>О новой книге Владимира Якушева</i>	<i>83</i>
--	-----------

Н. Глумов.

<i>Нерукотворные острова</i>	<i>90</i>
------------------------------------	-----------

Литературно-художественное издание

Владимир ЯКУШЕВ

Жёлтый камешек на камском песке

Художник *К. Козлова*

Художественный
редактор *С. Неведомская*
Технический
редактор *С. Глорио*

Подписано в печать 08.08.2024 г.
Формат 70х90 1/32. Усл. печ. л. 5,95.
Тираж 200 экз. Заказ № 18870.

